

ТРАДИЦИОННЫЕ ИГРЫ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

УДК 159.922.75
ББК 88.41

ПОТАЕННЫЕ МЕСТА В ИГРОВОЙ КУЛЬТУРЕ БАШКИРСКИХ ДЕТЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ БУРЗЯНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

ЛУИЗА ИГОРЕВНА АДАМЯН

(Московский педагогический государственный университет: Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1)

АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ОБУХОВ

(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20)

***Аннотация.** С взрослением дети обретают большие возможности в самостоятельности освоения новых пространств, в изучении окружающей территории и ландшафта. Развитие самостоятельности детей, выход из-под прямой опеки взрослых, с одной стороны, позволяют детям посещать различные места вне взрослого контроля, а с другой — создает ограничения и запреты со стороны взрослых, налагаемые на посещения детьми мест, которые принято считать опасными. Эта ситуация создает появление в обособляющейся от взрослых детской субкультуре феномена потаенных мест, секретных миров детей. Запретное влечет как тем, что оно запретно, так и тем, что в нем много потенциала для развития фантазийных миров, игры, познавательной активности. Раскрывается проявление феномена на примере двух башкирских деревень. Вхождение в секретный мир детей взрослым исследователем было достигнуто с помощью камеры-посредника. Выявлено четыре типа пространства, различающихся по степени открытости и контроля взрослых за детьми: открытое, находящееся под контролем взрослого; открытое вне контроля взрослых; скрытое от взрослых (собственно потаенные места); запретное для взрослых и детей. Выявлены закономерности освоения таких пространств детьми в соотношении с процессами их взросления и ограничениями со стороны взрослых, а также общими нормативами башкирской культуры.*

***Ключевые слова:** потаенные места, детская субкультура, игровая культура, секретный мир детства, методы визуальной антропологии.*

***Дата поступления статьи:** 24 марта 2019 г.*

***Дата публикации:** 25 июня 2019 г.*

***Для цитирования:** Адамьян Л. И., Обухов А. С. Потаенные места в игровой культуре башкирских детей (на материале Бурзянского района Республики Башкортостан) // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 2. С. 50–62.*

***DOI:** 10.26158/ТК.2019.20.2.004*

Исследования детства в контексте культуры начались в первую очередь через изучение культуры взрослых для детей

[Мид 1988; Арьес 1999, 426; Кон 2003], а уже позднее стала исследоваться относительно автономная от взрослой детская субкультура

тура. Интерес к потаенным от взрослых элементам культуры детства существует давно. Хорошо известны работы Г.С. Виноградова начала XX в. о детских тайных языках и фольклоре собственно детей [Виноградов 1999]. В последние десятилетия активно изучаются различные элементы детской субкультуры, в том числе такие, фиксация и анализ которых требует преодоления барьеров и границ скрытого от взгляда взрослых пространства детской субкультуры, но в основном в аспекте записи фольклорных текстов [Русский школьный фольклор 1998; Традиционная культура и мир детства 1998]. Наиболее известное и целостное исследование освоения ребенком пространства города — книга М.В. Осориной [Осориная 2016]. Различные потаенные элементы детского фольклора детально изучены М.П. Чередниковой [Чередникова 2002, 224], но также в контексте культуры города.

«Для нормального существования детской субкультуры обязательно нужны время и место. Если этого нет, то она начинает вырождаться и разрушаться» [Осориная 2016, 272–273]. Для городской среды обитания проблема пространства и времени, относительно автономного от взрослых, у детей сужается как «шагреновая кожа». В деревне мы продолжаем наблюдать разнообразное пространство и достаточное время, в котором создается и разворачивается жизнь детской субкультуры, во многом потаенной от культуры взрослых, но плотно с ней связанной. В этом контексте мы сосредоточились на изучении топоса и хронотопа потаенного мира детей в деревне.

Мы отталкиваемся от идеи Л.С. Выготского, что в культуре в готовом виде сохраняются формы поведения, способности, качества личности, которые должны быть освоены ребенком в процессе его развития. И через деятельность, и посредством взрослого происходит присвоение ребенком культурных норм и поведения [Выготский 1996]. Для нашего исследования также был важен концепт «фактора места» и его значения для развития человека [Мухина 2006, 138–146].

Как изучить потаенный от взрослых мир детства в режиме настоящего времени, «здесь и сейчас»? Дети, как авторы и создатели данного пространства, не находясь в исследовательской позиции, не могут

объективно оценить то значение, которое несет в себе ими созданный мир. Как мы можем его зафиксировать и увидеть изнутри? Один из возможных ходов — применение метода «камеры-посредника», «созвучной камеры» [Александров 2003], где видеозапись потаенных мест и внутренней жизни детского сообщества может помочь приоткрыть секретный мир детей, оберегаемый от взрослых. Многие аспекты своего мира дети скрывают, так как взрослые сами провоцируют их на это запретами и ограничениями. А если сторонний взрослый, который не осуждает, а проявляет интерес к потаенным местам детей, хочет их заснять и дает съемку посмотреть детям, зачастую получает не только доступ, но и приглашение в этот потаенный мир. Детям важен искренний интерес взрослого к их миру. Главное, чтобы он был безоценочным, исходил из желания понять, а не оценить и тем более осудить наблюдаемое и познаваемое.

ОСОБЫЕ МЕСТА В ДЕТСКОЙ СУБКУЛЬТУРЕ

В Европе системное изучение детских мест начинается с исследования Р. Харта [Hart 1979, 518] о *детском опыте места*, сфокусированного на понимании перспектив развития детей и их интереса к «особым» местам, которые они называли собственными или требовали так называть других. Он обнаружил, что дети младшего возраста от 3 до 5–6 лет имеют особую потребность в тихих местах и местах, где можно скрываться от посторонних глаз, чаще всего находя их внутри самого дома. Это проявление стремления детей к автономии, так как их свобода ограничена взрослыми. Ребенок часто лишен возможности самостоятельно осваивать пространство внешней среды без контроля взрослых. В последние годы активно изучаются «тайные» места детей от 3 до 6 лет — чердаки, подвалы, пространство под столом или в пустом шкафу и т.д., которые дети делают строго своими [Benson 2009, 106; Yatiman 2011, 6; Green 2013; Moore 2014].

Дети от 5–6 до 11–12 лет имеют тенденцию строить места дальше от дома и сосредотачиваются на конструкции и дизайне. Они исследуют свое пространство и находят или строят отдельные места в нем. Растущая независимость ребенка демонстрируется посредством манипулирования физическими объектами

и пространствами, которое формирует его чувство индивидуальности.

Э. Кобб [Cobb 1959], пытаясь объяснить специфику освоения внешнего пространства детьми от 5–6 до 11–12 лет, предположила, что дети данной возрастной категории предрасположены взаимодействовать с природой уникальным образом. В этих пространствах, которые дети чаще скрывают от взрослых, они развивают и контролируют собственную среду и пользуются свободой от правил взрослого мира.

Многими авторами понимание значения мест для детей важно с точки зрения «физической социализации ребенка» [Proshansky, Fabian 1987]. Данные исследования были основаны на теории идентичности и привязанности к месту. Так, Г. Прошанский и А. Фабиан определяют местность как подструктуру самоидентификации личности ребенка [Там же, 35].

В ряде работ противопоставляются понятия «пространство» и «место». Э. Рельф под пространством понимает расстояние, которое располагается во всех направлениях и измерениях [Relph 1976, 127]. Место же представляет собой имеющее некие границы пространство со своей значимостью, формой и сущностью. Дети определяют любимые места как тайные места,

наделяют их особым смыслом, благодаря чему физическая локальность обретает живость существования и смысловые характеристики [Там же]. Пространство более абстрактно, чем место, и дети, переживая опыт пространства, делают его своим местом и приписывают ему определенные значения. Так, группа детей может делать конкретное место тайным для своих игр, включая погоню, битву, атаку и отступление [Kernan 2010], или иметь любимое секретное место со своими дорогами, полями и рукотворным домом [Rasmussen 2004, 155–173].

Природа «особых мест» детей раскрыта в работах М. В. Осориной [Осорина 2016, 304]. Ее исследование было направлено на попытку найти психологическое обоснование феномена секретного мира детей, связанного с освоением пространства, ландшафта, посещения страшных мест, свалок, строительства штабов и наличием детских «секретов» и тайников. Потаенность пространства также заложена в практике фантазийных игр в страну-утопию и воображаемые миры [Русский школьный фольклор 1998, 605–617; Обухов 2008].

ПРОСТРАНСТВО ДЕТСТВА В БАШКИРСКИХ ДЕРЕВНЯХ

Наше исследование носит локальный характер и выявляет особенности потаенных мест детей именно в контексте конкретных башкирских деревень. Мы не имеем оснований утверждать, что выявили этнокультурные особенности именно башкирских детей. Скорее, мы раскрыли закономерности структурирования пространства по принципу открытости/закрытости для контроля детей со стороны взрослых и возможности реализации детской любознательности с учетом этнокультурного контекста. При этом можно утверждать, что данное исследование на локальном этнотерриториальном материале раскрывает феномен развития пространственного поведения и особенности взаимодействия с пространством у детей при их взрослении в контексте сельской местности.

Исследование потаенного мира игровой культуры башкирских детей проходило в рамках экспедиции в деревни Кильдигулово и Кулганино Бурзянского района Республики Башкортостан в июле 2017 г. При анализе также использовались материалы экспедиций в этом же районе

Дети на чердаке заброшенной фермы, с. Кильдигулово. Фото Л. И. Адамян, 2017 г.

Children in the attic of an abandoned farm, Kildigulovo Village. Photo by L. I. Adamyan, 2017

в деревни Байгазино в 2012 г. и Кулганино в 2007 г. Исследование проводилось с применением методов визуальной антропологии. Одним из его итогов стал фильм «Приоткрывая мир башкирских детей» (автор Л. И. Адамян, 19 мин., 2018 г.)¹.

Помимо включенного наблюдения и видеосъемки, мы проводили беседы с детьми и со взрослыми. Всего было опрошено 14 детей в возрасте от 5 до 16 лет и 26 взрослых в возрасте от 20 до 65 лет.

Условно пространство жизнедеятельности детей мы разделили на:

- а) открытое пространство, контролируемое взрослыми;
- б) открытое пространство вне контроля взрослых;
- в) пространство, скрытое от взрослых;
- г) закрытое пространство для взрослых и детей.

ОТКРЫТОЕ ПРОСТРАНСТВО, КОНТРОЛИРУЕМОЕ ВЗРОСЛЫМИ

В культуре башкирской деревни ребенок до 1–2 лет еще ограничен пространством дома. Выход за его пределы несет в себе определенную опасность, а сохраняемая бережливая традиция защищает ребенка и делает пространство дома безопасным для него на символическом и магическом уровне. «Пока совсем маленький — дома лежит. Одного мы никогда не оставляем, а то шайтан может забрать его. Вот у меня ребенок когда был маленький, когда я уходила из дома, под кровать ставила ножницы... А как начал ходить, пускать начала во двор» (Зап. от Зухры Фазуллиной, 1986 г. р., д. Кильдигулово. Соб. Л. И. Адамян. 2017 г.). Дети в первый год жизни считаются самыми незащищенными и уязвимыми членами семьи, и для их защиты существует целый комплекс мер [Данилко, Абрамичева, Кузеев 2015, 337–338].

Когда ребенок становится старше, его пространство сначала расширяется до пространства двора (в возрасте от года до трех лет), а потом и всей улицы (от трех лет и старше). Постепенное расширение границ связано с возрастными возможностями ребенка. Пока он не овладел устойчивым прямохождением, его не отпускают за пределы дома и двора без присмотра взрослого (бабушки, мамы или старшей родственницы) из-за возможных опасностей. «Ну, нельзя

детям бегать на улице, маленький еще, смотри, сколько детей катается на велосипедах» (Зап. от Файрузы Мухамедкуловой, 1953 г. р., д. Кильдигулово. Соб. Л. И. Адамян. 2017 г.); «Пусть во дворе бегает, мы все присмотрим за ним, а то мало ли что может с ним случиться» (Зап. от Айгуль Муликовой, 1980 г. р., д. Кулганино. Соб. Л. И. Адамян, Е. И. Адамян. 2017 г.).

Пространство, организованное взрослым, является, по сути, открытым для детей в раннем детстве. Взрослый оказывает ключевую роль в его освоении, именно он вводит в мир ребенка определенные элементы этого мира. Осваивая правила жизни, параллельно ребенок выстраивает отношения с окружающим миром. Так, от трех лет и старше освоение пространства внешнего мира происходит активнее и выходит за пределы контроля взрослого. Ребенок получает больше свободы и самостоятельности. Теперь его проводниками в освоении внешнего мира становятся дети более старшего возраста — ими могут быть как родные братья и сестры, так и соседские дети.

ОТКРЫТОЕ ПРОСТРАНСТВО ВНЕ КОНТРОЛЯ ВЗРОСЛЫХ

В три года дети начинают не только твердо ходить, но и ездить на велосипеде. Для ребенка, живущего в современной башкирской деревне, освоение велосипеда значимо, так как он повышает возможность самостоятельного перемещения по улицам деревни, наравне с детьми более старшего возраста. Велосипед в жизни ребенка 3–4 лет повышает их самостоятельность и выступает способом вхождения в сообщество более старших детей. «Я уже сам могу ездить на велосипеде, как Гуля», — говорил Ильдар (2012 г. р.), сравнивая себя с сестрой (Зап. от Ильдара Миндигулова, 2012 г. р., д. Кильдигулово. Соб. Л. И. Адамян, Е. И. Адамян. 2017 г.).

Приобретая большую свободу перемещения в дошкольном возрасте, ребенок получает не только ее, но и обязанности по отношению к миру взрослых. Мы наблюдали, что у детей 5–6 лет одна из распространенных обязанностей — выпас птенцов уток и гусей. Конечно же у детей остается много свободного времени, но их уже с малого возраста приучают нести

¹ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9WXocK06Nec&feature=youtu.be>

ответственность за посильные дела по хозяйству. По сути, «стремясь получить социальное одобрение и быть оцененным как “хороший”, ребенок усваивает ценностное отношение к должностованию, к тому, что “надо”» [Мухина 2006, 137], тем самым осваивая социальное пространство.

Границы «своего» пространства с возрастом у ребенка расширяются. Уже к 6–7 годам дети активно осваивают такие природные ресурсы, как реки и леса.

Река для любой деревни — значимый ресурс как для повседневной жизни жителей, так и для сельского хозяйства. Река Сарагы пересекает всю деревню Кильдигулово. Излюбленным местом детей стали те участки реки, которые расположены за пределами деревни. Условные границы деревни обозначили сами дети внутри своего сообщества: «Мы всегда туда ходим. Это там... далеко. За деревней... Туда» (Зап. от Фирзины Мухамедьяновой, 2009 г.р., д. Кильдигулово. Соб. Л.И. Адамян. 2017 г.). В этом вопросе они были единодушны. Это была «их» территория, пределы зоны их пространства. Участки верхней и нижней части реки располагались в формальной черте деревни, но переживались в детском сообществе как места за ее пределами. «Да, мама знает. Мы всегда туда ходим купаться. Иногда ходим в другую часть деревни, там еще и ферма старая

есть. Хочешь, пойдем?» (Зап. от Дианы Яхиной, 2010 г.р., д. Кильдигулово. Соб. Л.И. Адамян, Е.И. Адамян. 2017 г.). Родители знают об этих местах, разрешают туда ходить, не стремясь особо контролировать их времяпрепровождение там. Главное, чтобы дети были не одни, а с кем-то из старших ребят. Взрослые не нарушают границ «детской» территории, тем самым давая возможность детям определять ее как исключительно «свое» пространство.

Река Узян делит деревню Кулганино на две части. У местной детворы есть излюбленные места на реке, но в пределах деревни. Однако это не значит, что дети находятся в зоне видимости взрослых. Густые заросли вокруг реки в незастроенной долине позволяют им прятаться, уединяться, создавая свои укромные места, где они предоставлены сами себе, проживая свое игровое действие. С рекой у детей связана своя мифология. Есть целый ряд «страшных» историй, одна из которых повествует об утонувшей в водовороте девочке. Ее дух бродит по реке, и его можно встретить. Уровень воды в этой реке примерно до колен. Лишь в некоторых участках глубина доходит до одного метра. Лежит ли в основе этой истории реальный случай, мы не знаем. Для детей 5–10 лет это место является «страшным» и опасным, но все равно изо дня в день

Изучение чертополоха, с. Кулганино. Фото А. С. Обухова, 2017 г.
Study of a thistle, Kulganino Village. Photo by A. S. Obukhov, 2017

они туда приходят и проводят время, испытывая друг друга на храбрость, когда пересекают пространство реки. Это своего рода попытка самоутвердиться в собственных глазах и друг перед другом.

М. П. Чередникова описывает возраст 6–7 лет как этап, когда происходит расширение социального и познавательного опыта, появление первых вопросов относительно смерти [Чередникова 1996, 7]. В башкирской деревне ребенок и раньше сталкивается с понятием «смерть», будь то смерть скота или смерть человека. Действительно, в сознании ребенка смерть приобретает физическую субстанцию, на которую можно воздействовать силой и умом, как и на обычное живое существо. На основе этого и рождаются детские «страшные» рассказы.

Лес — еще одно излюбленное место детей. Прежде всего, поход в лес рассматривается ими как небольшое путешествие. Здесь, помимо привычного собирания ягод и грибов, можно найти небольшие пещеры, труднопроходимые тропы. Лес представляет собой источник богатства для детских игр и экспериментирования. Так, например, мальчишки в лесу пробуют на прочность стволы разных деревьев (ствол какого дерева сколько человек может выдержать), изучают разновидности змей и способы защиты от них и т. д. Походы в лес строго дифференцируются по гендерному признаку: мальчики и девочки ходят туда отдельно. Хотя все остальное времяпровождение девочек и мальчиков совместное, здесь мы зафиксировали это деление. «Нельзя ходить за братом в лес, камнями закидает», — говорила Наила. «Мальчики ходят в лес одни, потому что по-другому пишут, а девочки идут только за ягодами» (Зап. от Наилы Яхиной, 2007 г. р., д. Кильдигулово. Соб. Л. И. Адамян. 2017 г.).

Походы в лес взрослыми одобряются, но для мальчиков и девочек устанавливаются разные границы: девочкам не разрешают уходить далеко (они должны видеть дома деревни); территория же освоения пространства леса мальчиками гораздо шире. Они считаются взрослыми уже к 12–14 годам, выполняя функции помощников в семье. В целом мальчики в башкирской культуре традиционно обладали большей свободой в передвижении, чем девочки.

ПРОСТРАНСТВО, СКРЫТОЕ ОТ ВЗРОСЛЫХ

У башкирских детей в деревне довольно много степеней свободы. Возникает вопрос: зачем нужен секретный мир, если есть такая свобода от взрослых? Однако все равно у детей возникает потребность создания секретного мира. Тайные места в детской субкультуре возникают в той ситуации, когда взрослые налагают ограничения и начинают дифференцировать места, куда можно ходить, а куда нет. Во многом взрослые сами провоцируют возникновение потаенного детского пространства.

В Кильдигулове дети 5–14 лет, показывая нам красивые места деревни и проникнувшись к нам доверием, пригласили нас пойти с ними в «секретное место», куда ходят только они. «Пойдемте, что мы вам покажем. Мы там всегда играем. Там интересно. Только другим не говорите и родителям», — говорил Марсель (Зап. от Марселя Яхина, 2003 г. р., д. Кильдигулово. Соб. Л. И. Адамян. 2017 г.). Одним из условий было обещание, что мы никогда (за исключением самого исследования) не расскажем об этом взрослым в деревне. Перед нами открылся целый комплекс разрушенных сараев, которые на первый взгляд (взгляд взрослого) были опасны для жизни. Но детям это пространство давало новые возможности для развития воображения и создания фантазийных миров. «Вот палка, мы тут играем. Мы, как его зовут... а... рыцари» (Зап. от Ильгиза Яхина, 2005 г. р., д. Кильдигулово. Соб. Л. И. Адамян, Е. И. Адамян, Е. А. Горелова. 2017 г.). На чердаке одного полуразрушенного сарая мальчики устраивали настоящие рыцарские турниры — битвы на палках. Девочки могли туда подняться, но их мальчишки не включали в игру. Главными хранителями этого места были двое мальчишек 13–14 лет. Именно они могли включать других детей в свою группу. Детей более старшего возраста мы не увидели в этих местах. Скорее всего, существует верхняя психологическая граница возраста вовлечения в эти места и игры — 14 лет. Фантазийные игры имеют верхнюю возрастную границу — 12–14 лет [Обухов 2008]. Младшие подростки становятся лидерами секретных миров и проводят много времени в заброшенных сараях, фермах, других подобных местах.

Такого рода места дают детям возможность самим устанавливать параметры использования пространства и осуществлять контроль над ним. Несмотря на то что в играх и освоении пространства мы в деревне не обнаружили четких гендерных различий, они проявлялись там, где дело касалось преград, которые могли преодолеть только мальчики, и только в местах, которые считались «особыми». Игра в рыцарей проводилась под крышей сарая, там были одни балки, но это была игра-испытание на рискованность и мужество. В такой игре не было места для девочек. Существование таких мест формирует еще и освоение правил (чего можно делать в этих местах, а чего нельзя), которые дети четко соблюдают в своем сообществе.

Р. Харт писал, что благодаря деятельности в «особых» местах дети развивают экологическую компетентность, определяемую как «знание, умение и уверенность в использовании окружающей среды для выполнения своих собственных целей и обогащения своего опыта» [Hart 1979, 225]. Компетентность еще проявляется и в ограничении самим ребенком доступа к этим «особым» («своим») местам с целью конфиденциальности. Это место стало своего рода съемочной площадкой,

где они придумали свой сюжет с расписанными ролями, используя детали и предметы окружающей среды данной территории. Видеоролик, снятый ими на свой телефон, оказался фиксацией и подтверждением «своего» места для всех остальных групп детей, а также для тех, кого они приняли в свою группу.

Если комплекс заброшенных сараев располагается в центральной части деревни, то руины фермы находятся ниже по реке за пределами деревни. Это специальное место, куда собираются дети из разных уголков деревни. Особую ценность этого места дети определили наличием большого количества материалов, которые можно забрать домой либо спрятать и перенести в другие «особые» места. «Смотри, какая проволочка. Можно взять и сделать украшение... Здесь много чего бросают... Во-о-он там пилюрама, доски старые выкидывают. Можно взять их... Еще много стеклышек цветных» (Зап. от Наили Яхиной, 2007 г. р., д. Кильдигулово. Соб. Л. И. Адамян. 2017 г.). Это место привлекает детей возможностью играть с грязью и мусором, создавать из подручных материалов новые игрушки. Ими они потом делятся с другими детьми.

Самое важное для детей — доступность материалов и разнообразие их

Дети исследуют пространство заброшенных строений, с. Кильдигулово. Фото Л. И. Адамян, 2017 г.
Children explore the space of abandoned buildings. Kildigulovo Village. Photo by L. I. Adamyan, 2017

использование. Существует четкое деление природных материалов: есть те, которые можно забирать из заброшенной фермы, а есть те, которые нельзя. Это зависит от того, насколько в представлениях детей те или иные предметы символизируются как «хорошие» либо «плохие». «Смотри, здесь птица была, гнездо осталось. Оно приносит счастье. Возьмешь с собой? Я уже забрала одно» (Зап. от Наили Яхиной, 2007 г. р., д. Кильдигулово. Соб. Л. И. Адамян. 2017 г.). Или: «Фу, не трогай! Это плохо будет. Не бери руками», — проговорила Фирзина, забирая из моих рук металлические потертые монеты (Зап. от Фирзины Мухамедьяновой, 2009 г. р., д. Кильдигулово. Соб. Л. И. Адамян. 2017 г.).

В представлениях взрослых пустое гнездо — это признак несчастья, и приносить его в дом категорически нельзя, а найденная монета означает внезапное богатство (Зап. от Резеды Исхаковой, 1969 г. р., д. Кильдигулово. Соб. Л. И. Адамян. 2017 г.). Дети переворачивают мир взрослых «с точностью до наоборот» и проживают взрослую жизнь по-своему, на свой детский лад. Им важно быть частью взрослого мира и соприкоснуться с разными его сторонами. Они пытаются его понять и интерпретировать так, как способно их детское сознание.

В Кулганине дети также решили нам показать «свои» места, которые, как оказалось, находятся под категорическим запретом посещения со стороны взрослых: мусорная свалка и скотомогильник (дети называли «скотомогилу»). Больше всего дети хотели показать скотомогилу. Каково было удивление детей, когда, дойдя до места назначения, мы увидели железный забор. Позже, в деревне, мы узнали, что местные жители специально оградил территорию с точки зрения соблюдения санитарных норм захоронения умерших животных. Дети же, увидев забор, сначала сильно расстроились, затем поняли, что можно в сторонке раскопать землю и территория снова будет «их».

«Зачем они закрыли, разве не понимают, что там интересно... Там столько черепов, столько костей... И они пахнут... Фу-у-у-у как пахнут! А еще можно их собрать по костям...» (Зап. от Илюзы Юлдыбаевой, 2007 г. р., д. Кулганино. Соб. Л. И. Адамян. 2017 г.). Как видим, особый интерес к скотомогиле во многом связан со становлением любопытства ребенка

[Обухов 2015]. Обладая высокой поисковой активностью, которая изначально заложена в нем природой, ребенок не может довольствоваться простыми рассказами взрослого об устройстве мира. Для ребенка важно самому понять, самому увидеть, самому прикоснуться, самому изучить и самому совершить открытие. И именно ограничения и запреты со стороны взрослых трансформируют непосредственную познавательную активность детей в потаенные миры, секреты и скрытность от взрослых, любознательность — в любопытство. Запретное начинает вызывать особый интерес, проявление которого необходимо скрывать от взрослых.

Окружающая среда деревенской жизни дает детям существенно больше возможностей для развития самостоятельной исследовательской активности. Так, дети рассказывали, что они любили собирать кости разных умерших животных и определять, какому животному эта кость могла принадлежать. Благодаря посещениям скотомогилы дети сталкиваются с понятием смерти и выстраивают к нему отношение как к естественному процессу жизни.

Место скотомогилы интересно детям еще и тем, что напротив нее расположена большая деревенская свалка. Дети определили мусорную свалку как свое секретное пространство не только из-за того, что это запрещенное взрослыми для посещения детьми место, но еще и из-за доступности и разнообразия материалов, которые можно найти на свалке. М. В. Осорина описывает свалку как «темную» сторону взрослого мира, которую он пытается спрятать и скрыть от детей и с «явным присутствием в ней духа смерти и разрушения», который пугает детей [Осорина 2016, 141]. Мы не могли бы сказать, что данная свалка сильно пугала детей. Скорее, они относились к ней как к пространству больших возможностей, где любой выброшенный предмет представляет собой полезную и многофункциональную вещь, которую они вправе сделать своей. «Зачем люди все новое выкидывают. Смотри, Луиза-апай, какая новая кровать! Столько с ней можно играть. Как они могли выкинуть ее? А вот это, вешалка для вещей. Новая» (Зап. от Ильдара Юлдыбаева, 2012 г. р., д. Кулганино. Соб. Л. И. Адамян. 2017 г.). Все, что показывали дети, было очень ветхим и непригодным

к использованию (на взрослый взгляд). «А знаешь, я здесь нашла белый медведь. Совсем новый! Теперь я с ним сплю, мама не знает, а то ругала бы меня» (Зап. от Илюзы Юлдыбаевой, 2007 г. р., д. Кулганино. Соб. Л. И. Адамян. 2017 г.). Свалка выступает пространством, которое активно содействует развитию собственной познавательной инициативы, обогащает новую предметностью, создает новые возможности для игры, конструирования и других видов активности детей.

Забирая вещи со свалки, дети начинают ими активно пользоваться, иногда даже не по их функциональному назначению. Так, дети нам рассказывали, что часть вещей, найденных на свалке, они использовали в качестве браслетиков на запястье или дарили в качестве подарков другим детям. Самое главное, что вещь, найденная на свалке, начинает восприниматься детьми как их собственность, которую теперь только они имеют право использовать по своему усмотрению, как относящийся к их «собственному» миру предмет. Дети говорили, что на свалку ходят почти каждый день, потому что «каждый раз новые вещи находим, что люди выкидывают» (Зап. от Илюзы Юлдыбаевой, 2007 г. р., д. Кулганино. Соб. Л. И. Адамян. 2017 г.). Новый предмет вызывает познавательный интерес у ребенка. За этой новизной он готов идти вновь и вновь на свалку. Разные способы использования найденных вещей развивают детское воображение и способствуют созданию фантазийных игр у детей.

Секретность, потаенность — следствие ограничений и запретов взрослых. И порой чем сильнее запрет взрослых, тем чаще дети проводят время в этих местах. Однако нами было обнаружено исключение. При категорическом запрете взрослых (в первую очередь для самих себя) дети строго следовали правилу не нарушать данное пространство. Таким пространством в контексте башкирской культуры оказалось кладбище.

ЗАКРЫТОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ

Казалось бы, запрет на посещение кладбища может вызвать у детей обратный эффект. Однако в башкирской культуре хождение на кладбище настолько регламентировано для самих взрослых, что дети разделяют запрет посещения кладбища

и не переходят его границы. Здесь проявляется механизм идентификации детей со взрослыми. Взрослые запрещают не детям, а в первую очередь себе, что делает естественным запрет и для детей. И такого рода культурный запрет разделяется детьми, которые идентифицируют себя со взрослыми и принимают общекультурные нормы как свои, в отличие от ограничений взрослых для детей, не распространяющихся на самих взрослых.

Дети демонстрировали присвоенность культурно-нормативного комплекса мер, призванного защитить мир живых от мира мертвых. Так, категорически запрещено приносить с кладбища землю. А если наступить на такую землю, то считается обязательно умереть. «Там страшно. Нельзя там заходить. Играть тоже. Плохо будет» (Зап. от Гули Утябаевой, 2008 г. р., д. Кильдигулово. Соб. Л. И. Адамян. 2017 г.); «Мы туда не ходим, а то дух преследовать будет» (Зап. от Дианы Яхиной, 2010 г. р., д. Кильдигулово. Соб. Л. И. Адамян. 2017 г.).

Не всегда умершего могли похоронить на территории кладбища. Если человек умирал, находясь на сенокосе (а в башкирских деревнях по мусульманским традициям принято хоронить в день смерти до заката), то усопшего погребали прямо на месте — в летнике. В таком случае место захоронения со временем исчезало, зарастая травой. Например, в Кулганине нами была зафиксирована история, рассказанная Раилей Ахметовой (Зап. от Раили Ахметовой, 1957 г. р., д. Кулганино. Соб. Л. И. Адамян, Е. И. Адамян, А. С. Обухов. 2017 г.). Когда ей было пять лет, родители уехали в летник на период сенокоса, взяв с собой младенца сына (брата Раили), ее же оставили с бабушкой. На следующий день стало известно, что младенец умер. Как говорили местные, объясняя причину смерти, потому что его колыбелька оказалась повешенной над чьей-то заброшенной могилой. Здесь господствует поверье, что если наступить на чью-то могилу, то душа умершего непременно заберет того человека.

Таких историй было собрано много как у взрослых, так и в среде детского сообщества. Дети встраиваются в систему правил, созданных взрослыми, и к данному запрету относятся серьезно, не нарушая его ни под каким предлогом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе взросления дети расширяют «свое» пространство, осваивают новые места, обособливаются от внимания и контроля взрослых, при этом они это делают во многом во взаимосвязи с нормами культуры взрослых. Данное исследование приоткрывает «маленькую дверь» в секретный мир детей в башкирских деревнях. Каждый ребенок в процессе проживания своего детства подобен путешественнику, горизонты для которого увеличиваются и расширяются по мере взросления. Он постепенно осваивает пространство, создает свои секретные миры.

В башкирской деревне существует своя модель проживания детства, которая обусловлена своеобразием культуры и особенностью ландшафта и которая оказывает существенное влияние на характер и специфику секретного мира детства и потаенных мест. Потаенные места детей имеют свои границы, у них есть свое начало и свой конец — как в пространстве, так и во времени взросления детей. Граница зарождается благодаря существованию системы запретов со стороны взрослых и достигается там, где появляется детская солидарность с теми правилами и нормами, которые присутствуют в данной культуре.

Дети являются главными создателями этого пространства, обладающего характером преемственности и трансмиссии культуры. Старшие дети (12–14 лет) вводят в него младших (начиная с 5–6 лет). А после того как происходит смещение их интересов в сторону интимно-личностного общения, подросток покидает секретный мир (переходит в мир взрослых), и «хранителями» пространства становятся дети, которых он когда-то туда ввел.

Модель территориального поведения детей башкирских деревень можно представить как четыре типа пространства, соотносенных с решением возрастных задач развития детей.

Первый тип — открытое пространство, которое находится под контролем взрослого (дом, двор и улица). Перемещение на этих территориях достаточно свободно, но оно осуществляется под обязательным присмотром взрослых.

Второй тип — открытое пространство вне контроля взрослых. Начиная с 3–4 лет границы внешнего мира у ребенка расширяются, география перемещения в пространстве становится больше. Теперь на карте передвижения ребенка появляются новые места, и они открыты, неконтролируемы взрослыми. Такими местами выступают лес и река. Функции присмотра передаются более старшим детям детского сообщества. Многообразие и богатство окружающей среды, находящейся в свободном доступе ребенка, насыщены природными ресурсами и материалами, что способствует активному развитию любознательности и воображения.

Третий тип — скрытое от взрослых пространство (собственно секретный мир, потаенные места). Его появление во многом связано с ограничениями, которые накладываются для поведения детей сами взрослые. Это места, которые запрещены для посещения и как следствие этого запрета и из-за характера тех ресурсов, которые в них заключены, вызывают устойчивый интерес у детей (мусорная свалка, скотомогилы, заброшенные сараи и фермы). Эти места, с точки зрения взрослых, опасны для жизни, но при этом именно они активно обживаются и осваиваются детьми как интересные, «свои». Эти пространства детьми проживаются не индивидуально, а только в избирательной коммуникации с другими детьми в рамках возрастной когорты от 5–6 до 14 лет.

Четвертый тип — пространство, запретное для взрослых и детей. Таким пространством в контексте башкирской культуры выступает кладбище. В данном случае запреты для взрослых разделяются детьми, и посещение этих мест связано с внутренним ограничителем в поведении детей. В башкирской культуре посещение такого рода мест регламентировано целым комплексом традиционного мировоззрения и обрядовых практик. Считается, что нарушение этих запретов, существующих в культуре, может привести к смерти. Дети всех возрастов разделяют запрет (даже мистически усиливая его для себя) и не переходят общекультурной границы между доступным и запретным.

Источники и материалы

Русский школьный фольклор 1998 — Русский школьный фольклор: От «вызываний»

Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А. Ф. Белоусов. М., 1998.

Исследования

Александров 2003 — Александров Е. В. Опыт рассмотрения теоретических и методологических проблем визуальной антропологии. М., 2003.

Аръес 1999 — Аръес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999.

Виноградов 1999 — Виноградов Г. С. Страна детей. СПб., 1999.

Выготский 1996 — Выготский Л. С. Психология развития как феномен культуры / Под ред. М. Г. Ярошевского. М.; Воронеж, 1996.

Данилко, Абрамичева, Кузеев 2015 — Данилко Е. С., Абрамичева К. С., Кузеев Р. Г. Башкиры. М., 2015.

Кон 2003 — Кон И. С. Ребенок и общество. М., 2003.

Мид 1988 — Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.

Мухина 2006 — Мухина В. С. Возрастная психология. Феноменология развития. 10-е изд., стер. М., 2006.

Обухов 2008 — Обухов А. С. Фантазийные игры в страны-утопии как пространство саморазвития личности ребенка // Психология и современное российское образование (Москва, 8–12 дек. 2008 г.): Матер. IV Всерос. съезда психологов образования. Направление I, II. М., 2008. С. 136–137.

Обухов 2015 — Обухов А. С. Развитие исследовательской деятельности учащихся. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2015.

Осорина 2016 — Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 2016.

Традиционная культура и мир детства 1998 — Традиционная культура и мир детства: Матер. Междунар. науч. конф. «XI Виноградовские чтения». Ч. I–III: Тезисы / Ред. колл.: М. П. Чередникова (гл. ред.), М. Г. Матлин, В. Ф. Шевченко (отв. ред.). Ульяновск, 1998.

Чередникова 1996 — Чередникова М. П. Современная русская детская мифология в кон-

тексте фактов традиционной культуры и детской психологии: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1996.

Чередникова 2002 — Чередникова М. П. «Голос детства из дальней дали...» (игра, магия, миф в детской культуре) / Сост., науч. ред., прим., библиогр. указатель В. Ф. Шевченко. М., 2002.

Benson 2009 — Benson C. L. Changing places: children's experience of place during middle childhood. Arcata, 2009.

Cobb 1959 — Cobb E. The ecology of imagination in childhood // Daedalus. 1959 (Summer). Vol. 88. № 3: Current Work and Controversies. P. 537–548.

Green 2013 — Green C. A sense of autonomy in young children's special places // International Journal of Early Childhood Environmental Education. 2013. № 1 (1). P. 8–33.

Hart 1979 — Hart R. Children's experience of place. New York, 1979.

Kernan 2010 — Kernan M. Outdoor affordances in early childhood education and care settings: adult's and children's perspectives // Children, Youth and Environments. 2010. № 20 (1). P. 152–177.

Moore 2014 — Moore D. "My childhood was filled with secret places": the importance of secret places to children // International Journal of Play. 2014. № 3 (2). P. 103–106.

Proshansky, Fabian 1987 — Proshansky H. M., Fabian A. K. The development of place identity in the child // Spaces for children: The built environment and child development / C. S. Weinstein, T. G. David (eds.). New York, 1987. P. 21–40.

Rasmussen 2004 — Rasmussen K. Places for children-children's places. London, 2004.

Relph 1976 — Relph E. Place and placelessness. London, 1976.

Yatiman, Said 2011 — Yatiman N. A., Said I. A review on children's favorite place in the context of rural, suburban and urban environments // 12th International Conference on Sustainable Environmental Architecture (SENVAR12th), 2011. URL: <http://senvar12.ub.ac.id/> (дата обращения: 14.09.2018).

© Л. И. Адамян, А. С. Обухов, 2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адамян Л. И. <https://orcid.org/0000-0003-4085-1582>

Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологической антропологии Института детства Московского педагогического государственного университета: Российская Федерация, 119991, г. Москва, Малая Пироговская ул., д. 1; тел.: +7 (495) 438-21-81; e-mail: bahia@inbox.ru

Обухов А. С. <https://orcid.org/0000-0001-7215-3901>

Кандидат психологических наук, доцент, ведущий эксперт Центра исследований современного детства Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»: Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; тел.: + 7 (495) 772-95-90; e-mail: ao@redu.ru

HIDDEN PLACES IN BASHKIR CHILDREN'S CULTURE OF PLAY (BASED ON DATA GATHERED IN THE BURZYANSK DISTRICT, REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)

LUISA I. ADAMYAN

(Moscow Pedagogical State University, 1, M. Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russian Federation)

ALEXEY S. OBUKHOV

(National Research University, Higher School of Economics: 20, Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation)

Summary. *Growing up, children acquire great opportunities for the independent assimilation of new spaces and for learning about their environment and landscape. The development of children's independence and freedom from direct adult supervision, on the one hand, enables children to visit various places beyond adult control, and on the other, creates restrictions and limitations imposed on locations that are considered dangerous. This situation leads to the occurrence in children's subculture of the phenomenon of hidden places and secret children's worlds that are separate from those of adults. The forbidden attracts both because it is prohibited and because it offers many opportunities for the development of children's fantasy worlds, games and cognitive activity. This article presents data on this phenomenon based on the study of two Bashkir villages. Entry by adult researchers into the children's secret world was made possible by means of a camera — mediator. Four types of space, depending on the degree of openness and adult control, were examined: open space under adult control; open space out of adult control (aka "secret spaces"); space hidden from the sight of adults; space forbidden for both adults and children. Revealed were patterns of children's assimilation of such spaces in correlation with their maturation process and with restrictions on the part of adults, as well as with the norms of Bashkir culture.*

Key words: *hidden places, children's subculture, the culture of play, the secret world of childhood, techniques of visual anthropology.*

Received: March 24, 2019.

Date of publication: June 25, 2019.

For citation: Adamyan L. I., Obukhov A. S. Hidden places in Bashkir children's culture of play (Based on data gathered in the Burzyansk District, Republic of Bashkortostan). *Traditional culture*. 2019. Vol. 20. No. 2. Pp. 50–62. In Russian.

DOI: 10.26158/TK.2019.20.2.004

References

Aleksandrov E. V. (2006) *Vizual'naya antropologiya — puteshestvie na "mashine vremeni" po chuzhim miram* [Visual anthropology is a journey on a time machine to different worlds]. *Observatoriya kul'tury* [Observatory of culture]. 2006. No. 2. Pp. 60–71. In Russian.

Aries Ph. (1999) *Rebenok i semeynaya zhizn' pri Starom poryadke* [The child and family life under the Old Regime]. Yekaterinburg. In Russian.

Benson C. L. (2009) *Changing places: Children's experience of place during middle childhood*. Arcata. In English.

Cherednikova M. P. (1996) *Sovremennaya russkaya detskaya mifologiya v kontekste faktov traditsionnoy kul'tury i detskoy psikhologii* [Modern Russian children's mythology in the context of the facts of traditional culture and children's psychology]. St. Petersburg. In Russian.

Cherednikova M. P. (2002) "Golos detstva iz dal'ney dali..." (igra, magiya, mif v detskoy kul'ture) ["The voice of childhood from far away..." (games, magic, myth in children's culture)]. Moscow. In Russian.

Cobb E. (1959) The ecology of imagination in childhood. *Daedalus*. 1959 (Summer). Vol. 88. No. 3. Current work and controversies. Pp. 537–548. In English.

Danilko E. S., Abramicheva K. S., Kuzeev R. G. (2015) *Bashkiry* [The Bashkirs]. Moscow. In Russian.

Green C. (2013) A sense of autonomy in young children's special places. *International Journal of Early Childhood Environmental Education*. 2013. No. 1 (1). Pp. 8–33. In English.

Hart R. (1979) *Children's experience of place*. New York. In English.

- Kernan M.** (2010) Outdoor affordances in early childhood education and care settings: adult's and children's perspectives. *Children, Youth and Environments*. 2010. No. 20 (1). Pp. 152–177. In English.
- Kon I. S.** (2003) Rebenok i obshchestvo [The child and society]. Moscow. In Russian.
- Mid M.** (1988) Kultura i mir detstva [Culture and the world of childhood]. Moscow. In Russian.
- Moore D.** (2014) "My childhood was filled with secret places": the importance of secret places to children. *International Journal of Play*. 2014. No. 3 (2). Pp. 103–106. In English.
- Mukhina V. S.** (2006) Vozrastnaya psikhologiya. Fenomenologiya razvitiya [Developmental psychology. Phenomenology of development]. Moscow. In Russian.
- Obukhov A. S.** (2008) Fantazinyye igry v strany-utopii kak prostranstvo samorazvitiya lichnosti rebenka [Fantasy games in the land of utopia as a space for a child's personality development]. In: *Psikhologiya i sovremennoye rossiyskoye obrazovaniye* [Psychology and modern Russian education]. Mater. of the IV All-Russians Conf. of Educational Psychologists. Moscow. Pp. 136–137. In Russian.
- Obukhov A. S.** (2015) Razvitiye issledovatel'skoy deyatel'nosti uchashchikhsya [Development of the exploratory activities of learners]. Moscow. In Russian.
- Osorina M. V.** (2016) Sekretnyy mir detey v prostranstve mira vzroslykh [The hidden world of children within the space of the adult world]. St. Petersburg. In Russian.
- Proshansky H. M., Fabian A. K.** (1987) The development of place identity in the child. In: *Spaces for children. The built environment and child development*. Ed. by C. S. Weinstein, T. G. David. New York. Pp. 21–40. In English.
- Rasmussen K.** (2004) Places for children-children's places. London. In English.
- Relph E.** (1976) Place and placelessness. London. In English.
- Traditsionnaya kul'tura i mir detstva [Traditional culture and the world of childhood] (1998). Ulyanovsk. In Russian.
- Vinogradov G. S.** (1999) Strana detey [The country of children]. St. Petersburg. In Russian.
- Vygotskiy L. S.** (1996) Psikhologiya razvitiya kak fenomen kul'tury [The psychology of development as a phenomenon of culture]. Voronezh. In Russian.
- Yatiman N. A., Said I.** (2011) A review on children's favorite place in the context of rural, suburban and urban environments. In: XIIth Internat. Conf. on Sustainable Environmental Architecture (SENVAR12th). In English. URL: <http://senvar12.ub.ac.id/> (retrieved: 14.09.2018).
© L. I. Adamyan, A. S. Obukhov, 2019

ABOUT THE AUTHORS

Luisa I. Adamyan <https://orcid.org/0000-0003-4085-1582>

E-mail: bahia@inbox.ru

Tel.: +7 (495) 438-21-81

1, M. Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russian Federation

PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychological Anthropology, Institute of Childhood, Moscow Pedagogical State University

Alexey S. Obukhov <https://orcid.org/0000-0001-7215-3901>

E-mail: ao@redu.ru

Tel.: +7 (495) 772-95-90

20, Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

PhD in Psychology, Associate Professor, Leading Expert at the Research Center of Modern Childhood, Institute of Education, National Research University, Higher School of Economics

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)